

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ЗНАК
Москва
2007

«ТАК, БАСНЕЙ ПРАВДУ ЗАМЕНЯ...»

Бесконечно разнообразный в своих поэтических жанрах, Пушкин, тем не менее, не создал ни одной басни, понимая, что этот жанр в русской литературе довел до пределов совершенства И. А. Крылов, и не желая, по-видимому, вступать с ним в соревнование. Однако было бы странным, если достижения этого жанра остались бы совершенно не учтенными в поэтической практике Пушкина. Наглядным примером такого освоения стало его стихотворение «Аквилон»:

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?
Недавно черных туч грядой
Свод неба грозно облакался,
Недавно дуб над высотой
Красой надменно величался...
Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.
Пуškai же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник (II, 365).

Здесь просвечивает классический басенный сюжет, восходящий к Эзопу, хорошо известный в обработке Лафонтена.

тена и наиболее популярный в русской басенной традиции. Все «персонажи» аллегорической сценки (которая была на слуху у читателей) Пушкин бережно сохранил: и грозный аквилон, и прибрежный тростник, и величавый дуб, и легкий зефир. Добавлен Пушкиным лишь образ облячка. Возможно, это след влияния другого, не менее популярного басенного сюжета, восходящего к стихотворению французского поэта А. В. Арно «Листок» (1815), которое на русский язык переводилось В. А. Жуковским, В. Л. Пушкиным, Д. В. Давыдовым, П. И. Шаликовым, С. Ф. Дуровой. Даем этот текст в переводе Жуковского:

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. «Не знаю сам;
Гроза разбила дуб родимый;
С тех пор, по долам, по горам,
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете все стремится,
Куда и лист лавровый мчится,
И легкий розовый листок»¹.

Это осмыслялось как выражение чувств политического изгнанника. «Участь этого маленького стихотворения, — в 1836 году замечал Пушкин, — замечательна. Костюшко перед смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык...» (XII, 46, 476).

Еще до публикации пушкинского стихотворения, в 1829 году те же чувства выразил А. Бестужев-Марлинский в стихотворении «К облаку»:

...Завоет вихрь, взметая прах,
И ты из лона звездна
Дождем растаешь на степях
Бесславно, бесполезно!..

¹Жуковский В. А. Стихотворения. Т. 2. 9-е изд. СПб., 1895. С. 19.

Блести, лети на ветерке
Подобно нашей доле —
И я погибну вдалеке
От родины и воли!²

Смысл же пушкинской аллегории трактовался по-разному. По мнению Л. Н. Майкова, «стихотворение составляет как бы обращение к Александру, причем под тростником, клонимым долу, поэт понимает самого себя, а под дубом — Наполеона, побежденного русским царем»³. Возражая на это, Б. В. Томашевский заметил: «Майкова не останавливает то обстоятельство, что не было такой бури, которая одновременно угрожала бы и Пушкину, и Наполеону»⁴. Отталкиваясь от наблюдения Г. С. Глебова (впервые обратившего внимание на пушкинскую запись среди набросков «Путешествия Онегина» начальных строк «Аквилона» и «Ариона»)⁵, Б. В. Томашевский полагал:

Действительно, если допустить связь «Аквилона» с «Арионом» и соответствующее изменение датировки, то стихотворение получает вполне определенный смысл. Тогда придется допустить, что дата «1824» вызвана соображениями прикрытия политического смысла стихотворения, что делает понятным, почему Пушкин так медлил с напечатанием «Аквилона». Выбор даты «1824» (на год раньше 14 декабря), по-видимому, продиктован именно этими соображениями⁶.

Представление, что стихотворение «Аквилон» «явно связано с грозными событиями 1825 г.»⁷, остается наибо-

---

² *Бестужев-Марлинский А.* Полное собрание стихотворений. Л., 1961. С. 173.

³ *Майков Л. Н.* Из заметок о Пушкине. О стихотворениях «Туча» и «Арион» // *Русский вестник*. 1893. № 2. С. 50.

⁴ *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 2. М.; Л., 1961. С. 50.

⁵ См.: *Глебов Г. С.* Об «Арионе» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 6. М.; Л., 1941. С. 304.

⁶ *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. 2. М.; Л., 1961. С. 51.

⁷ *Городецкий Б. П.* Лирика Пушкина. М.; Л., 1962. С. 327.

лее распространенным в пушкиноведении. Как мы постараемся показать ниже, обе трактовки в сущности не являются взаимоисключающими.

Принципиально важно, что единственный дошедший до нас автограф стихотворения (ПД 126), наряду с пометой «1824. Мих(айловское)», имеет и вторую дату: «Болд(ино). 7 сент(ября)». То есть именно в деревенском уединении 1830 года Пушкину пришла на память давняя притча, и в этот день не было никакой нужды в заведомой хронологической мистификации.

Следует также иметь в виду, что образ поверженного бурей древа давно был освоен и лирической поэзией (что уже заметно в русских переложениях стихотворения Арно). Большой репертуар таких произведений был указан В. В. Виноградовым⁸, — приведем для примера стихотворение Жуковского «Гимн (из поэмы Томпсона “Времена года”):»:

Се гром!.. Владыки глас!.. безмолвствуй, мир сметенный,
Внуши... из края в край по тучам гул гремит;
Разрушена скала, дымится дуб сраженный
И гимн торжественный чрез дебри вдаль парит...⁹

Возможно, вариацией тех же томпсоновских строк станет и стихотворение Ф. И. Тютчева «Успокоение» (1831):

Гроза прошла — еще курьясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
И уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалась,
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася¹⁰.

⁸ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1999. С. 465.

⁹ Жуковский В. А. Стихотворения. Т. 2. С. 116.

¹⁰ Тютчев Ф. И. Лирика. Т. 1. М., 1966. С. 32.

В отличие от медитаций Жуковского, нарисованная здесь картина реально зрима, но она и символична как обобщенное представление о неистребимой гармонии жизни.

Наряду с антологическим осмыслением образа сокрушающей (в данном случае) и вечно возрождающейся стихии, возможно и ее народно-поэтическое олицетворение, как это стало, например, в «Слове о полку Игореве», которое мы процитируем в переводе Жуковского, сохранившемся в пушкинском архиве:

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, приговаривая:
«О ветер, ты ветер!
К чему же так сильно веешь?
Мало ль подоблачных гор твоему веянию?
Мало ль кораблей на синем море твоему лелеянию?
На что ж, как ковыль траву, ты развеял мое веселие»¹¹.

Неверно считать, что «лирическое начало в “Аквилоне” всё заключается в этом (имеется в виду первое четверостишие — С. Ф.) обращении лирического субъекта. Оно не поддержано соответствующим строем описания, которое все построено на таких эпитетах, которые легко трактуются как в прямом, так и в аллегорическом смысле (в аллегорическом — даже легче), и нигде классицистическая ясность картины не нарушается вторжением резко индивидуальных деталей или психологических нюансов»¹².

Это, конечно, не так. Как раз такой психологический нюанс и задает с самого начала тон всему стихотворению Пушкина: сочувственное сопереживание малым сим, которые в эзоповском сюжете серьезной опасности не подвергаются. В стихотворении нарушено и эпически последовательное изображение событий: тростник и дуб разобщены; в басне же они вступают в диалог, а потом *вместе* испытывают налетевший порыв ветра. В первом четверостишии у Пушкина взгляд поэта (здесь и сейчас) устремлен с ниж-

¹¹ Рукою Пушкина. М., 1997. С. 127.

¹² Кузнецов И. С. Система лирических ситуаций романтической поэзии А. С. Пушкина. М., 1999. С. 143.

ней точки — вслед за порывом ветра, пригнувшего тростник и влекущего вдаль облачко. В центральных строфах — *воспоминание* об отшумевшей буре. И ее ценностное восприятие коренным образом отличается от басни. Ср. в различных переделках басни Лафонтена:

Ветр бурный с лютым гневом
Дышит отверстым зевом,
Ярится, мчится с ревом...
А. П. Сумароков

Жестокий Ветр настал...
А. А. Ржевский

Из дальных неба стран вдруг с яростью примчался
Исшедший севера из недр
Лютейший самый ветр...
Ю. А. Нелединский-Мелеуцкий

И вот, нахмуря брови черны
И ветрену Борей разинув хлябь,
С дождем мешая пыль, кричит: «Всё бей, всё грабь!
Все власти лишь моей, все быть должны покорны!..»
Я. Б. Княжнин

Ударил грозный ветер — все рушит и валит...
И. И. Дмитриев

Вдруг буря страшная настала,
И лютый ветер
Летит из мрачных недр;
Дуброву всю ломает...
Д. И. Хвостов

Насупился Борей,
Вздурился,
Завыл — и в ярости своей
На все озлился...
А. П. Бенитюцкий

Вдруг мчится с северных сторон
И с градом и дождем шумящий Аквилон...
И. А. Крылов¹³

---

¹³ Русская басня XVIII—XIX веков. Л., 1977. С. 91, 132, 196, 201, 232, 257, 283, 285.

Как видим, только у Крылова отсутствует резко негативная оценка ветра — и не случайно: у него в буре аллегорически олицетворена победа над Наполеоном¹⁴.

В 1824 году та же тема развита и в стихотворении Пушкина:

Но ты поднялся, ты выиграл,
Ты прошумел грозой и *славой*—
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый¹⁵.

Но воспоминание о минувшей «грозе и славе» неизбежно воскрешало и бывшие надежды, отразившиеся, в частности, в лицейском стихотворении Пушкина, обращенном к Александру I:

...брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осенí желанной тишиной! (...)
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изощренный...¹⁶

Как известно, этим чаяниям не суждено было осуществиться, что явилось причиной трагических потрясений, предощущение которых в начале 1820-х годов Пушкину было хорошо ведомо. В декабристской же хронике, запечатленной в уничтоженной поэтом десятой главе «Евгения Онегина», эта причинная связь грозы 1812 года и обманутых ожиданий была отчетливо обозначена:

Гроза 12 года
Настала — кто тут нам помог?

¹⁴ Наблюдение И. З. Сермана. См.: Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. Л., 1975. С. 272.

¹⁵ В 1824 году Пушкиным наполеоновская тема намечена и в стихотворениях «Зачем ты послан был и кто тебя послал?...» и «Недвижный страж дремал на царственном пороге...».

¹⁶ *Пушкин А. С.* Лицейские стихотворения. 1813—1817. СПб., 1999. С. 135. Между прочим, по преданию, этим стихотворением А. С. Грибоедов рекомендовал П. Я. Чаадаеву юного Пушкина как многообещающего поэта.

Остервенение народа,
 Б(арклай), зима иль р(усский) Б(ог)?
 Но Бог помог — стал ропот ниже
 И скоро силою вещей
 Мы очутились в П(ариже)
 А (русский) ц(арь) главой ц(арей)
 И чем жирнее, тем тяжеле
 О р(усский) глупый наш н(арод)
 Скажи зачем ты в самом деле (VI, 522).

Та же причинная связь запечатлена Пушкиным в 1828 году в сближении «Аквилона» и «Ариона», обозначенная первыми строками этих стихотворений, которые записаны в черновиках строф из «Путешествия Онегина»¹⁷.

Само собой разумеется, в пушкинском «Аквилоне» нет столь обнаженной сатиры, но аллегорические образы (инерция басенного их осмысления несомненна) униженного тростника и гонимого облачка в контексте как обозначенной в образной ткани стихотворения традиции, так и собственно пушкинского творчества приобретают вполне определенный смысл. Симметрическая композиция произведения¹⁸ не снимает изначального тревожного вопроса, так как, в отличие, скажем, от стихотворения Тютчева «Успокоение», гармония мира остается невозстановленной: желаемое благоденствие не наступило и, Бог весть, наступит ли, хотя, по справедливости, так должно быть.

---

¹⁷ См.: Рукою Пушкина. С. 217. По справедливому, на наш взгляд, замечанию И. М. Дьяконова, большая часть строф так называемой десятой главы, зашифрованных в Болдине в 1830 году, первоначально была написана еще в 1829 году для главы «Путешествие Онегина»: Дьяконов И. М. О восьмой, девятой и десятой главах «Евгения Онегина» (Русская литература. 1963. № 3. С. 336–353). Как нам представляется, возвратившись из Болдина, Пушкин просматривал черновые рукописи «Путешествия Онегина» и тогда оставил там помету о двух своих стихотворениях.

¹⁸ См.: Этхинд Е. Симметрические композиции у Пушкина. Париж, 1988. С. 35–36.

Исторические ситуации время от времени повторяются. В эпилоге романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» читаем:

Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступило вместе с победой, как думали, но все равно предвестие свободы носилось в воздухе в послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание¹⁹.

Может показаться, что аналогичная трактовка пушкинского стихотворения грешит модернизацией. Но такая мысль была и Пушкину не чужда, как об этом свидетельствуют его автографы.

Уже упоминалось выше, что стихотворение «Аквилон» было записано по памяти Пушкиным в Болдине 7 сентября 1830 года. В этот день он завершил вчерне своих «Бесов». На обороте исправленного беловика «Аквилона» тогда же записывается и стихотворение «Делибаш» с пометой «Саганлу», относящееся к кавказскому путешествию поэта в 1829 г. Таким образом намечен трехчастный цикл:

Аквилон
Делибаш
Бесы

Переключка первого и третьего произведений вполне очевидна. Тема же войны, метафорически (аллегорически) полускрытая в «Аквилоне», обнажена в центральной части цикла.

«Аквилон» хотя и включался в перечень произведений, намечавшихся для третьей части «Стихотворений Александра Пушкина», был опубликован лишь в самом начале 1837 года (с пометой «1824») и фактически стал последним стихотворением поэта, отданным им в печать²⁰.

¹⁹ Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М., 1990. С. 510.

²⁰ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837, № 1.